

Санкт-Петербургский Государственный Университет

Направлениях рукописи

Клюкин Евгений Владимирович

***ЮГО-ЗАПАДНАЯ КАВКАЗСКАЯ РЕСПУБЛИКА (1918-1919 гг.)
И ВОЗРОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ***

Специальность 07.00.03 - Всеобщая история
(древность, античность, средние века, новое время)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Санкт-Петербург - 2004

Работа выполнена на кафедре Центральной Азии и
Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского
государственного университета

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор Султанов Турсун Икрамович.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор Карпов Юрий Юрьевич,
кандидат исторических наук, доцент Павлова Ирина Константиновна.

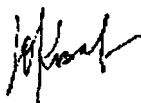
Ведущая организация: Библиотека Российской Академии наук.

Защита состоится «3» июня 2004 года в 16 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.232.43 по защите диссертаций на
соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском
государственном университете по адресу: 199034 Санкт-Петербург,
Университетская наб., д. 11, ауд. 167.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. А.М.
Горького Санкт-Петербургского государственного университета

Автореферат разослан «26» апреля 2004 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета

Ю.В.Козлов

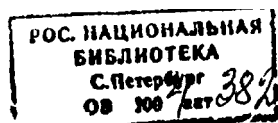
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Кризис советского федерализма, появление на политической карте мира закавказских государств и связанная с этими процессами череда межэтнических конфликтов вернули в научный оборот проблемы формирования государственности на Южном Кавказе, территориальных споров и передела границ по национальному признаку, а также сделали исторический опыт решения этих проблем объектом всестороннего изучения.

Стремление закавказских народов к собственной государственности, дважды активизировавшееся в начале и конце XX столетия после распада двух великих держав, Российской империи и Советского Союза, обнаружило не только определенную политическую преемственность и важные исторические параллели, но и повторное возникновение общерегиональных проблем, связанных с разрушением прежнего административного деления. Стало очевидно, что многие сложности современных политических реалий Южного Кавказа имеют свои корни в событиях, происходивших в регионе в начале прошлого века.

Первая попытка обретения независимости народами Закавказья пришлось на сложный исторический момент окончания Первой мировой войны, когда в Закавказье столкнулись интересы Антанты, Германии, России, Турции и США. Мы также можем говорить о появлении в этот период кавказской политики в качестве отдельного направления восточной политики европейских стран и США. Эта политическая доктрина помимо традиционной составляющей, основанной на противопоставлении стратегических интересов России и Турции, была вынуждена учитывать новую специфику, связанную с провозглашением в регионе формально независимых государств.

Однако при всей видимой прозрачности исторических параллелей между различными этапами построения государственности на Южном Кавказе отдельное место в этом процессе занимает проблема так называемых буферных территорий: Батумской и Карсской областей, Сурмалинского, Нахичеванского и Шарурского уездов Эриванской (*sic!*) губернии, а также Ахалциха (Месхетии) и Ахалкалаки (Джавахетии). Унифицировать политические процессы в этих областях с происходившим на Кавказе в целом и сводить их к противостоянию поддерживаемых Антантой демократических партий и большевиков ошибочно, поскольку здесь также стоял вопрос дальнейшей

государственной принадлежности этих территорий - аннексии, автономии или независимости.

Усилия, прилагавшиеся османской Турцией по консолидации мусульманского населения Юго-Западного Кавказа и объединению его политических инициатив вокруг единого центра - Национального Совета в Карсе, на основе которого и была создана **Юго-Западная Кавказская Республика** (ЮЗКР), свидетельствовали не только о значении этих областей для османов, но и о внешней управляемости ряда важных для региона событий.

Актуальность темы исследования и обращение к ней современных российских и закавказских авторов во многом связаны с тем, что долгие годы опыт первой попытки обретения независимости рассматривался большинством из них в рамках догм и клише, теоретических методов анализа, свойственных советской исторической школе. При этом без должного внимания оставались многие источники по политической истории Южного Кавказа после Первой мировой войны, и целые страницы становления государственности на Южном Кавказе исключались из общей хронологии событий.

Состояние изученности проблемы. В целом мы можем констатировать, что история Юго-Западной Кавказской Республики недостаточно полно отражена в научных трудах отечественных и зарубежных историков.

Наиболее широко вопрос рассмотрен в турецкой историографии. Первым к проблеме принадлежности Юго-Западного Кавказа обратился профессор Фахреддин Кырзыоглу, опубликовавший под псевдонимом Челик свою работу «Каре»¹. Впоследствии в монографиях по истории Карса и многочисленных статьях в турецких исторических журналах профессор Кырзыоглу неоднократно обращался к истории Юго-Западной Кавказской Республики, однако среди его трудов следует выделить статью «*Cenub-i Garbi Kafkas Cumhuriyeti*» (Юго-Западная Кавказская Республика), ставшую первой работой² посвященной истории этого образования². Труды Кырзыоглу основаны преимущественно на мемуарной литературе, османской прессе и богатых материалах его личного архива рукописей и документов.

Дальнейшее развитие проблема получила в исследованиях Акдеса Нимета Курата, Ахмеда Эндера Гёкдемира, автора подробной монографии «*Cenub-i Garbi Kafkas Hukumeti*» (Правительство Юго-

¹ Qehk F. Kars. Istanbul, 1943.

² Kirzioglu F. Cnub-i Garbi Kaftas Cumhuriyeh (Kars Milli-Sura HukOmeti) Tirk KDRUrQ Sayi 72. Ekim 1968.

Западного Кавказа), увидевшей свет в 1989 году³. Работы этих авторов содержат материалы Османского Архива при Премьер-министре Турецкой Республики и архива Института военной истории и стратегии Генерального штаба Вооруженных сил Турецкой Республики.

Также необходимо отметить труды Эсина Дайы, Ибрагима Атнура и Эниса Шахина, отличающиеся использованием не только турецких архивных данных, но и сведениями из работ ряда азербайджанских и западных исследователей⁴.

Актуальные вопросы, связанные с изучением отдельных сторон исследуемой проблемы, рассмотрены в трудах азербайджанского историка А.Н.Гаджиева⁵. В своих работах Гаджиев опирается на материалы Центрального государственного архива новейшей истории Республики Азербайджан, который обладает рядом документальных сведений, связанных с историей Юго-Западной Кавказской Республики, в том числе с контактами официального Баку и карсского правительства, политикой азербайджанского руководства в регионе после разгона англичанами мусульманской администрации в Карее.

Также следует выделить труды немецкого автора Готхарда Ешке и американских исследователей Фируза Каземзаде и Ричарда Ованесяна, которые затрагивают некоторые аспекты политической и военной истории Юго-Западного Кавказа, опираясь на мемуары британских и американских офицеров, материалы архивов США и Великобритании⁶.

В обновленной России пока нет комплексного монографического исследования, посвященного истории возникновения, функционирования и распада независимых республик на Южном Кавказе после Первой мировой войны, которое в полной мере освещало бы и историю Юго-Западной Кавказской Республики.

Советские историки при исследовании проблематики Юго-Западного Кавказа рассматривали историю Батумской и Карсской

³ *Gdkdemir A E* Cenub-i Garbi Kafkas hukumeti Ankara, 1989

⁴ *Dayi SE* Elviye-i Selase'de (Kars, Ardahan, Batum) Milli Teşkilatlanma Erzurum, 1998, *Atnur IE* Osmanlı Yonetiminden Sovyet YOnetimine Kadar Namjivan Ankara, 2001, *Sahin E* Trabzon ve Batum Konferanslan ve Antlasmalan Ankara, 2002

⁵ *Гаджиев Л Н* Из истории образования и падения Юго-Западной Кавказской (Карсской) Демократической Республики Баку, 1992, *hasbijee AI* Каре вэ Лраз-Турк ЧумбуриэтиюрининТарихиндэн Бакы, 1994

⁶ *Jaeschke G* Kurtulus, Savaşı lie ilgili Ingiliz Belgelen Ankara, 1991, *Jaeschke G* Turk Kurtulus Savaşı Kronolojisi Mondros'tan Mudanya'ya Kadar Ankara, 1989, *Kazemzadeh F* The Struggle For Transcaucasia (1917-1921) N Y, 1951, *Hovanstan RG* Armenia on the Road to Independence 1918 Berkeley, 1967, *Ho\anmsian RG* The Republic of Armenia Vol 1 1918-1919 Berkeley, 1971, *Hovanmsian RG* The Republic of Armenia Vol 2 1919-1920 Berkeley, 1982

областей как эпизод, некую составляющую общих вопросов, причем подробная хронология событий, как правило, обрывалась концом 1918 года. В работах Б.Данцига и Д.С.Завриева впервые рассматриваются обстоятельства сдачи Батума и Карса национальными закавказскими силами наступавшим турецким войскам, и ставится под сомнение легитимность проведенного среди местного населения референдума, на основании которого Батумская и Карсская области были присоединены к Османской империи⁷. В монографиях Л.М. Погосяна и А.М.Александряна, наряду с событиями до 1917 года, основные акценты сделаны на деятельность в Карсской области большевистских организаций, дашнакскую и большевистскую политику в регионе и обстоятельства заключения Московского и Карсского договоров и лишь констатируется политическое бытие Юго-Западной Кавказской Республики⁸.

Из работ современных российских исследователей, обращавшихся к истории Юго-Западного Кавказа, можно назвать только совместный труд С.Ф. Орешковой и Н.Ю.Ульченко «Россия и Турция (Проблемы формирования границ)», в котором в общих чертах прослеживается судьба Батумской и Карсской областей от подписания Брест-Литовского мира до заключения Карсского договора 1921 года⁹.

Все это указывает на необходимость комплексного исследования круга вопросов, связанных с историей Юго-Западной Кавказской Республики, которое учитывало бы позиции турецких, закавказских и отечественных авторов по рассматриваемой проблеме.

Цель и задачи исследования. Целью диссертации является определение и описание существенных особенностей политических процессов, которые привели к созданию Юго-Западной Кавказской Республики и обусловили её недолгое существование.

Для достижения этой цели решены следующие задачи:

- выявлены отличия в социально-экономическом развитии региона, в местной политике российских властей на фоне развития всего кавказского региона до Первой мировой войны;
- показана взаимосвязь деятельности иностранных разведок и миссий с работой тайных антиправительственных организаций;

⁷ Данциг Б Турция М, 1949, Завриев ДС. К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции Тбилиси, 1947.

¹ Александрян Л М Каре. 1920-1921 Ереван, 1961; Погосян А Л/ Карская область в составе России. Ереван, 1983

⁹ Орешкова С.Ф. Ульченко Н Ю Россия и Турция (Проблемы формирования границ) М, 1999.

- выявлены особенности ситуации, сложившейся на Юго-Западном Кавказе в конце Первой мировой войны по сравнению с общим положением на Кавказе;

- определены характерные особенности позиций-османов, большевиков и закавказских сил на переговорах по определению османской границы на Кавказе;

- выделены причины, подтолкнувшие Османскую империю на поэтапное оформление присоединения Юго-Западного Кавказа;

- выявлены особенности политических процессов в регионе после вывода османских войск и определена сущность проводившихся конгрессов мусульманского населения региона;

- произведен сравнительный анализ позиций Англии и закавказских государств по усилению центральной власти Карсского Совета;

- показано, насколько обусловленным и необходимым для карсских властей было решение о создании независимой республики;

- выявлено значение, политические и экономические перспективы распада ЮЗКР для Закавказья и начала советско-турецких отношений.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является политическая и военная история Юго-Западного Кавказа в период активизации политических организаций мусульман региона, т.е. с окончания Первой мировой войны до начала вывода британских войск с Кавказа и передачи управления Карсской областью Армении. Предметом исследования являются политические процессы, которые вывели деятельность этих организаций на новый уровень, определили характер и недолгое существование государственности в регионе.

Методологической и теоретической основой исследования являются научные труды отечественных и зарубежных ученых по широкому спектру вопросов, связанных с темой диссертационного исследования.

Эмпирическая база исследования включает опубликованные материалы из Центрального государственного архива новейшей истории Азербайджана и архива Института военной истории и стратегии Генерального штаба Вооруженных сил Турецкой Республики, сборники документов по истории гражданской войны и иностранной интервенции, истории установления Советской власти в Закавказье, опубликованные в различные годы закавказскими учеными, сборники «Документы внешней политики СССР», «Декреты Советской власти», «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» Ю.В. Ключникова и А.В. Сабанина. Среди опубликованных источников на русском языке наряду с «Памятными

книгами и адрес-календарями Карсской области» и «Кавказскими календарями», содержащими ценные статистические сведения за период русского владычества на Юго-Западном Кавказе, особое место занимают «Документы и материалы по внешней политике Закавказья и Грузии», изданные в 1919 году меньшевистским правительством в Тифлисе.

Из мемуарной литературы в исследовании использованы воспоминания Фахреддина Эрдогана, Хюсаметтина Эртюрка, Талаат-паши, Джемаль-паши и Кязима Карабекир-паши.

Кроме того, в исследование вошли данные из фондов Российского государственного военного архива Российской Федерации, материалы из частного архива профессора Ф.Кырзыюглу, частично переданного владельцем в библиотеку Кавказского университета в Карее, материалы собственных исследований и наблюдений автора за более чем год, проведенный в восточных и причерноморских областях Турции, в том числе в Трабзоне, Эрзеруме, Артвине, Ардагане, Карее и Сарыкамыше.

Методы исследования. Для обработки собранной информации использовались общенаучные приемы анализа и синтеза; монографический, абстрактно-логический и аналитический методы исследования.

Научная новизна исследования состоит в разработке и обосновании ряда положений, позволяющих оценить обстоятельства провозглашения и суть государственности на Юго-Западном Кавказе, а также в определении последовательности международных событий, обусловивших некоторое обособление Батумской и Карсской областей от происходившего на Южном Кавказе и в Османской империи. Среди составляющих научной новизны исследования выделяется следующее:

- впервые в отечественной историографии предпринята попытка комплексного исследования истории Юго-Западного Кавказа на промежуточном этапе провозглашения независимости от Советской России и раздела территории Юго-Западного Кавказа между закавказскими республиками;

- за исключением очерка по истории Батумской и Карсской областей в составе России, обстоятельств заключения Брест-Литовского мирного договора, серии Батумских мирных договоров и последующего присоединения названных областей к Османской империи исследование рассматривает исторические события и связанные с ними проблемы, не изученные до настоящего времени в отечественной историографии;

- помимо причин неудач кавказского федерализма в исследовании приводится цель провозглашения государственности и её истинное значение для карсских властей и их османских союзников.

Практическая значимость результатов. Тема диссертационной работы соответствует плану научных исследований кафедры Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета и является составной частью её научных разработок. Результаты выполненного исследования, изложенные в работе, могут быть использованы при составлении соответствующих курсов по подготовке специалистов по истории Кавказа и Турции.

Результаты проведенного исследования могут:

- дать уточненное представление о работе мусульманских организаций на Кавказе в начале XX века и о деятельности закавказских краевых властей, осуществивших отделение Южного Кавказа от России и инициировавших его разделение на национальные государства;

- служить дополнительным материалом по истории формирования османской границы на Кавказе после Первой мировой войны и Мудросского перемирия, британской и османской политике в регионе в 1918-1919 годах;

- сопоставление опыта событий начала и конца XX века способно дать богатый аналитический материал для оценки эволюции-политического курса западных стран, Ирана и Турции на Кавказе и оценки перспектив решения территориальных споров и развития интеграционных процессов в пределах закавказского региона.

Апробация работы. Основные положения диссертации нашли отражение в трех научных публикациях автора, докладывались и получили положительную оценку на научно-практических конференциях в Санкт-Петербургском государственном университете (2002, 2003 г.), Институте стран Азии и Африки при Московском государственном университете (2003 г.).

Примененные в работе критерии и алгоритмы оценки различных региональных политических процессов достаточно универсальны и могут быть применены для исследования провозглашения государственности как в подробно изученном, так и в других регионах Южного Кавказа.

Структура и объем диссертации. Диссертация, включая приложения, изложена на 259 страницах компьютерного текста; содержит 3 таблицы и состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и нумерованных приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава диссертации *«Карсская и Батумская области в составе России»* определяет понятие Юго-Западный Кавказ и дает

характеристику присоединения Батумской и Карсской области к Российской империи и 40 годам российского управления регионом.

Понятие Юго-Западный Кавказ, или Юго-Западное Закавказье, используемое азербайджанским исследователем Айдыном Гаджиевым, не является строго историческим или географическим, и в различных источниках можно встретить не совпадающие трактовки этого понятия, которые расходятся в принадлежности к нему некоторых уездов Эриваньской губернии, в том числе Шарура и Нахичевани. Так в декабре 1919 года османская газета «*Yeni Gun*» (Новый День) в статье о жизни тюрок Юго-Западного Кавказа писала, что в этот регион входят Каре, Ардаган, Батум, Ахалшихе (Месхетия), западная часть Ахалкалаки (Джавахетии), Эчмиадзин и области к юго-западу от него, южная часть Эривани, Нахичевань, Кагызман и Ольты¹⁰.

Несколько раньше в том же 1919 году сотрудник МИДа Азербайджанской Демократической Республики А. Щепотьев назвал естественными границами Юго-Западного Кавказа «по отношению к Грузии и армянским областям около Эривани» Аджарский хребет, Ацхурское ущелье, Цхара-Цхарский перевал и Триалетские горы на севере и Мокрые горы (Джавахетский хребет) с долиной Арпа-чая на востоке.

Т.е. Азербайджан ограничивал понятие Юго-Западного Кавказа Батумом и Аджарией, Артвинским округом, Карсской областью, Месхетией и Джавахетией, исключая, таким образом, Нахичевань и другие районы Эриваньской губернии¹¹.

В турецкой исторической традиции для обозначения территории 3 османских *санджаков* (округов) Батума, Карса и Ардагана также принят османский термин «*Elviye-i Selase*» (Три лива, три санджака).

Российская принадлежность Батумской и Карсской областей имела позитивное влияние на социально-экономическое и культурное развитие региона. Первоначально серьезным препятствием на пути проведения реформы управления Карсской и Батумской областями стала экономическая отсталость этих населенных пунктов при османском господстве. В областных центрах отсутствовали здания, приемлемые для размещения в них государственных структур, крайне не хватало квартир для расселения пребывавших служащих, а в первые годы русского правления имели место перебои с продовольственным снабжением. Нехватка жилья, высокая стоимость аренды, назначаемой

¹⁰ *G6kdemtrAE* Op cit S 1

¹¹ *Щепотьев А* Доклад о спорных кавказских территориях, на которые имеют права самоопределившиеся азербайджанские турки Известия АН АзССР Серия истории, философии и права №2 1990 С 58

владельцами немногочисленных доходных домов, в свою очередь, служили дополнительными стимулами для скорейшего роста городов; и уже к началу XX века архитектурная застройка областных центров в геометрически правильном балтийском стиле преобразила Каре и Батум .

В этом убедился и диссертант, дважды посетивший Каре осенью 2000 года. Казармы и другие постройки укрепления «Великий Князь Михаил» (цитадели Карсской крепости) приспособлены под нужды Кавказского университета, нынешний карсский губернатор живет в том же особняке, где прежде жил его российский коллега, здание городской больницы и сейчас принадлежит Министерству здравоохранения Турции, а построенный в сентябре 1893 года епархиальный собор Преображения Господня стал мечетью Фетхийе. Большое количество гражданских и военных сооружений продолжает практически без изменений использоваться по назначению турецкими властями.

По сведениям Н.И.Шаврова, за 1877-1879 гг. в Карсскую область из Малой Азии переселилось около 40 тысяч греков и 50 тысяч армян. Кроме того, при содействии генерала Тер-Гукасова в Сурмалинский уезд Эриваньской губернии было переселено 35 тысяч кибиток турецких армян¹³.

Конец XIX века стал периодом наиболее заметного роста населения Батумской и Карсской областей. Это было связано, прежде всего, с экономическим развитием региона и расширением этнического состава колонистов. Наряду с немцами, эстонцами и поляками в Карсскую область устремились и русские крестьяне, селившиеся преимущественно в четырех селах Карсского округа - Михайловка, Ольговка, Гренадерка (Зарушад) и Хорошее. Значительную часть русской общины Карсской области составляли молокане, субботники, прыгуны, а также духоборы, община которых в 1899 году переехала в Канаду. Вокруг Карса появляются большие молоканские села, название самого крупного из которых, Владикарс, по сей день хорошо известно местным жителям.

Развитие сел русских колонистов объяснялось тем, что власти были заинтересованы в росте славянского населения" в новых приграничных областях. Как отмечает армянский исследователь А.М. Погосян, русским разрешали переезжать в Карсскую область из других уголков Кавказа, им оказывалась материальная помощь, хотя при'этом

¹² Янович Ф.С. Очерки Карсской области Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Выпуск 34. Тифлис, 1904. С. 103.

¹³ Шавров И.И. Новая угроза русскому делу в Закавказье, предстоящая распродажа Мугани инородцам. СПб, 1911. С.59.

существовал официальный запрет турецким армякам селиться в Карсской области¹⁴.

Это важное обстоятельство, совершенно не учтенное в турецкой историографии, наряду со льготами для русских переселенцев свидетельствует, по нашему мнению, о том, что российская администрация стремилась, прежде всего, создать в Батумской и Карсской областях определенный процентный состав лояльного русскоязычного населения. Действия российской администрации в Батумской и Карсской области соответствовали общей демографической политике властей на Кавказе. За 40 лет русского правления Карсская область стала в полной мере многонациональным, поликонфессиональным регионом, на территории которого проживали представители 15 народов.

Многообразный состав населения региона создавал для российских властей и проблемы, связанные с оппозиционной, а часто и сепаратистской деятельностью отдельных национальных групп. Вне зависимости от идеологической платформы деятельность мусульманских организаций региона была направлена как на консолидацию аналогичных структур, созданных мусульманами других областей Кавказа, так и на пропаганду сепаратизма, борьбы за «возвращение в лоно Османской империи». Началом деятельности подобных организаций уместно считать рубеж XIX-XX веков.

Накануне Первой мировой войны деятельность мусульманских организаций на Юго-Западном Кавказе координировалась преимущественно османской разведывательной службой «*Teşkilat-ı Mahsus*» (Особая Организация), тесно связанной с правящей партией «Единение и Прогресс». Созданная в 1908 году по личному указанию могущественного военного министра Энвер-паши «Особая Организация» сразу же стала использовать ресурсы младотурецких комитетов на Балканах и на Кавказе.

По нашему мнению, стратегической концепцией своих операций на Кавказе османская спецслужба избрала предложенный немцами принцип сочетания боевых операций и подрывной деятельности в регионе. Наряду с поддержкой и созданием тайных мусульманских организаций иттихадисты уделяли большое значение вооружению мусульман Кавказа и формированию боевых отрядов, которые смогли бы организовать антиправительственные восстания в приграничных областях, т.е. на Юго-Западном Кавказе.

Германия и Великобритания поддерживали деятельность младотурецких комитетов на Кавказе. Мы считаем, что тем самым они

¹⁴ Погосян А. А. Указ соч. С. 1?4.

рассчитывали на открытие русско-турецкого Кавказского фронта, видя в этом значительные преимущества для себя, а также справедливо полагая, что война сможет усугубить экономическую ситуацию в Российской империи и неминуемо вызвать внутривластные перемены.

При неопределенности внешнеполитических приоритетов России в предстоящей войне аппарат наместничества, российская администрация на Кавказе были не в состоянии эффективно контролировать политическую активность различных национальных сил, препятствовать росту сепаратистских тенденций мусульманских организаций, что, в свою очередь, позволило этим организациям совместно с османскими спецслужбами значительно активизировать свою деятельность в начале Первой мировой войны.

Внутреннее положение Батумской и Карсской областей в годы войны отвечало общей ситуации, сложившейся на Кавказе. На фоне реквизиций продовольствия, скота и перевозочных средств население региона ощущало ухудшение экономической ситуации, принявшее общегосударственные масштабы.

Деятельность иностранных разведок и османских эмиссаров могла осложнить ситуацию в регионе только на самом начальном этапе Первой мировой войны, когда области еще находились в прифронтовой полосе. Однако даже в этот период попытки организовать массовое антироссийское выступление кавказских мусульман потерпели неудачу. К концу 1915 года с переносом военных действий на турецкую территорию антироссийская деятельность тайных мусульманских организаций постепенно ослабевает и активизируется уже в 1917 году на фоне общего осложнения ситуации в России, когда властям более не удавалось сдерживать распространение национальных идей местными мусульманскими организациями и османскими эмиссарами.

Вторая глава диссертации *«Присоединение Батумской и Карсской областей к Османской империи»* содержит последовательный анализ внутрирегиональных и внешнеполитических процессов, которые привели к отделению Кавказа от России и присоединению его юго-западных областей к Османской империи.

Позиция Временного правительства и его закавказского краевого органа - *Особого закавказского комитета (ОЗЛКОМ)* по вопросам внутренней политики, а также по проблеме продолжения военных действий и административному управлению в занятых османских санджаках, вызвала определенный раскол между политическими силами Закавказья. Политика ОЗЛКОМа соответствовала курсу Временного правительства и заключалась в том, чтобы удержать контроль над Кавказом, отложив при этом решение

всех острых насущных вопросов до созыва Учредительного Собрания. ОЗАКОМ не мог стать полноценной заменой центральной власти кавказского наместничества, а перспектива созыва Учредительного собрания не могла заменить отсутствие у него четкого внутривластного курса. Назначение на уездные комиссарские должности бывших гражданских и полицейских чиновников, решения Временного правительства о передачи гражданского управления восточноанатолийскими санджаками армянской администрации не только лишали ОЗАКОМ поддержки мусульманских партий и способствовали политическому расколу и обострению межконфессиональных отношений на Южном Кавказе, но и играли важную роль в усилении региональных большевистских организаций и распространении их влияния с армии на коренное население региона.

Политическая ситуация в Батумской и Карсской областях и Нахичевани соответствовала положению на Кавказе в целом, и общероссийские проблемы, связанные с разобщенностью политических сил и слабостью центральной власти, осложнились в регионе наличием центробежной силы в лице мусульманских национальных комитетов и партии, поддерживавших тесные связи с Османской империей, выступавших за прекращение войны и использовавших борьбу властей с распространением большевистской пропаганды для расширения собственного влияния.

Политика *Закавказского Комиссариата* (Закавком), созданного 28 ноября 1917 года по итогам представительного совещания основных политических сил Южного Кавказа, также не соответствовала сложившейся на Кавказе ситуации. Создание новой структуры местного управления, подготовка и проведение выборов в Учредительное собрание происходили на фоне возраставшей в регионе политической напряженности, катализаторами которой были события в Петрограде и усиление большевистских организаций, в том числе в частях Кавказской армии. Понимая, что победа большевиков лишит его политического будущего, Комиссариат не верил в необратимость происходящего в столице. Отсутствие единства во внутренних вопросах, беспомощность региональных партий спрогнозировать развитие ситуации определили слабую внешнеполитическую активность Комиссариата.

Мы считаем, что не столько политическая дезориентация и неопределенность, вызванные происходящим в стране, сколько отсутствие новых боеспособных частей при массовом и неорганизованном оставлении позиций сильно политизированным личным составом Кавказской армии стало основным препятствием для выработки Комиссариатом адекватного внешнеполитического курса.

В то же время ситуация на Кавказском фронте осложнялось и действиями большевиков. С одной стороны, их стремление реализовать собственные политические задачи на переговорах в Брест-Литовске не было известно закавказским властям. С другой стороны, вывод подразделений Кавказской армии из Восточной Анатолии, которому в значительной мере способствовали пораженческие действия большевистских комитетов, не только осложнил положение Комиссариата после подписания Эрзинджанского перемирия, но и стал для османов дополнительным аргументом на мирных переговорах в Брест-Литовске и Трапезунде.

В свою очередь, после нарушения османской армией Эрзинджанского перемирия обстоятельство включения территории Юго-Западного Кавказа в список османских требований в Брест-Литовске можно считать очередным фактом достаточно вольной трактовки османской дипломатией ранее заключенных соглашений и взятых обязательств.

Заключение Брест-Литовского мирного договора серьезно осложнило как положение Закавказья и Закавказского Сейма, созданного в феврале 1918 года в Тифлисе на основе региональных списков во Всероссийское Учредительное собрание, так и будущее большевистских организаций Закавказья после вывода Кавказской армии, значительная часть личного состава которой открыто поддерживала большевиков. Ленинскую характеристику мирного договора как передышки едва ли можно было считать справедливой для ситуации в Закавказье.

Развивая мысль советского историка Е.Ф. Лудшуйейта о том, что Турция и «контрреволюционные закавказские руководители» вели впоследствии политику срыва Брестского мира¹⁵, можно сказать, что на это были готовы и сами большевики. Иными словами, в зависимости от военных успехов и политической конъюнктуры на Кавказе Советская Россия и Османская Турция имели возможность по-разному трактовать положения мирного договора. На переговорах в Брест-Литовске проблема принадлежности округов Батума, Карса и Ардагана представлялась большевикам второстепенной и не требующей незамедлительного решения.

Это сделало Комиссариат и Сейм заложниками пространных формулировок, использованных в соответствующих статьях Брестского мира. Если большевикам и османам это давало пространство для внешнеполитического маневра, то закавказским властям Брестский мир сулил новые трудности, связанные с корректировкой внешнеполитического курса и угрожавшие территориальными

потерями, политическим расколом, дополнительными миграционными проблемами.

Очевидно и то, что, несмотря на ранее изданные декреты, большевики в отличие от закавказских властей, чувствовавших свою ответственность за судьбы беженцев из районов, охваченных османским наступлением, не сочли необходимым даже в общих формулировках гарантировать принципы беспрепятственного возвращения беженцев-немусульман и сохранения довоенного этнического соотношения населения округов Батума, Карса и Ардагана. Именно закрепление этих принципов в мирном договоре обеспечило бы право всем этническим группам участие в плебисците по будущему округов летом 1918 года.

С самого начала переговоров в Трапезунде было ясно, что османы не намеревались ограничиваться признанием Брестского мира Сеймом и отделением от Закавказья Батумской и Карсской областей, а закавказская делегация при этом не отличалась единством целей и интересов. В ходе конференции также наметилось стремление грузинских делегатов сепаратно договориться с османами о разделе территории Батумской и Карсской областей¹⁶.

. Трапезундская конференция (14 марта - 14 апреля 1918 года) явилась первым серьезным внешнеполитическим опытом закавказского руководства. Она выявила, насколько неуступчивой и по-восточному многосложной была позиция Османской империи. Её мог объяснить только международный правовой статус самой Трапезундской конференции и закавказской делегации на ней. В отличие от Эрзинджанского перемирия, подписанного с ведома представителей Антанты при штабе Кавказской Армии, и Брестского мира, заключенного большевиками со всеми участниками германской коалиции, переговоры в Трапезунде носили узкий двухсторонний характер.

При этом одна из сторон, кавказская делегация, представляла на переговорах осколок Российской империи, региональное правительство, не признававшее победу большевистских сил в столице и еще недавно прилагавшее усилия к тому, чтобы выйти на мирные переговоры с Османской империей блоком нескольких антибольшевистских сил Юга России. В пределах России политическая самостоятельность Сейма, как и других оппозиционных большевикам региональных правительств, выглядела естественно и соответствовала историческому моменту, однако это не давало Сейму прав вести мирные переговоры.

Другой важной особенностью конференции следует считать то, что, если закавказская делегация стремилась сократить

¹⁶ *Sahin E.* Op.cit. S. 339,384

территориальные потери на Кавказе относительно Брест-Литовского мирного договора, то основной целью османской дипломатии было не убедить закавказскую сторону признать Брестский мир, а сделать его основой своих дальнейших отношений с властями региона. Признание Закавказьем Брест-Литовского мирного договора наряду с провозглашением независимости не только бы значительно укрепило османские позиции в регионе, но и отчасти избавило бы Османскую империю от неприятных объяснений с Германией и Советской Россией в связи с несоблюдением заключенного и ратифицированного мирного договора.

Трапезундская конференция наглядно показала глубину политического кризиса, в котором оказалось закавказское руководство после подписания большевиками Брестского мира. Османам удалось разделить закавказскую делегацию: азербайджанские и северокавказские делегаты не скрывали своей османской ориентации, грузинская сторона ради собственных выгод и сохранения за собой Батума вела тайные переговоры с османами.

Все эти факторы определили то, что, несмотря на продемонстрированную закавказской стороной готовность к территориальным уступкам, османская дипломатия, необоснованно апеллируя при этом к Брестскому миру, была готова вывести решение проблемы принадлежности Батумской и Карсской областей из мирной плоскости и поставить его в зависимость от исхода продолжавшегося османского наступления на Кавказе.

В ходе Батумской конференции (11 мая - 4 июня 1918 года) независимая закавказская республика распалась на национальные государства, которые были признаны Османской империей. С точки зрения рассматриваемой тематики, главным значением Батумской конференции стало то, что наряду с созданием четырех республик (Северокавказской, Азербайджанской, Армянской и Грузинской), от Закавказья были отторгнуты области, которые впоследствии из-за образовавшегося политического вакуума вошли в состав Юго-Западной Кавказской Республики.

Батумская конференция положила начало новому этапу взаимоотношений Османской империи с политическими силами Южного Кавказа, доказавшему, что османы не были заинтересованы в создании в регионе единого, сильного государства. Османская позиция отчетливо свидетельствовала о стремлении османов установить свое преимущественное влияние на всем Кавказе, сохранив там ориентированные на Стамбул государства, которые могли бы служить буфером между Османской империей и Советской Россией. Конференция показала, что возвращение округов Батума, Карса и

Ардагана не являлось основной целью османской политики на Кавказе: территория округов стала лишь плацдармом для нового османского наступления, продолжившегося до подписания серии Батумских мирных договоров, закрепивших за Османской империей территорию, превышающую географические рамки Юго-Западного Кавказа.

Революционные изменения в России впервые приблизили регион к идее федерального устройства. Однако очевидно, что парламентская сущность первого закавказского федерализма, параллельное функционирование правительства и Сейма, в том числе и после провозглашения независимости при преобладающей роли грузинских меньшевиков, явились одной из основных причин слабости внутренней и внешней политики закавказских властей.

Регион вместе со всей Россией переживал серьезные политические и экономические потрясения, связанные с приходом большевиков к власти в Петрограде и с проводимой ими внешней политикой. Столь стремительные изменения, которые произошли в России в конце 1917 - начале 1918 года вызвали дезориентацию закавказских сил, не готовых к тому, чтобы стать центральной государственной властью.

Парламентский федерализм, объединивший национальные партии Закавказья с различной внешнеполитической направленностью, был ориентирован на новую Россию, на Учредительное собрание и был неприспособлен к последовательной и продуманной внешней политике в условиях мировой войны.

Государственность на Южном Кавказе испытала на себе давление двух противоположных сил, Советской России и Османской Турции, - стран, заинтересованных в контроле над политическими процессами и экономическими ресурсами региона.

Третья глава носит название *«Османское и британское влияние на политические инициативы мусульман Юго-Западного Кавказа»*. В ней прослеживается османское участие в региональных политических процессах до и после вывода османских войск с Кавказа и рассматриваются причины изначально лояльного отношения к этому британской администрации.

Вывод османских войск с Кавказа, в том числе с территории трех санджаков, означал лишь номинальный конец османской власти в регионе, поскольку практически всюду остались османские офицеры, низшие чины, по собственным убеждениям или по указанию иттихадистов не пожелавшие возвращаться на родину и возглавившие вскоре политические инициативы местных мусульманских организаций. Сложившийся после подписания Мудросского перемирия дисбаланс сил стал отличительной чертой всех политических процессов,

происходивших впоследствии в Батумской и Карсской областях, так как они основывались на противостоянии ориентированных на Османскую империю мусульманских организаций и официальных властей Грузии и Армении, претендовавших на Юго-Западный Кавказ.

Османской империи не удалось дипломатическим путем сохранить за собой Батумскую и Карсскую области. Однако развитая агентурная сеть иттихадистов создала в регионе несколько мусульманских советов и правительств, способных осложнить кавказские планы Антанты. Схема объединения мусульманских общин была уже отработана на Балканах на примере Автономной Тюркской Республики Западной Фракии. Главными факторами успеха здесь можно выделить опору на проосмански настроенных местных лидеров и создание вооруженного ополчения мусульман, которое помогло бы обеспечить необходимый национальный состав, т.е. воспрепятствовать возвращению беженцев-христиан, покинувших регион в ходе османского наступления.

За короткий период при поддержке османских офицеров на Юго-Западном Кавказе были созданы три образования, на территории которых впоследствии была провозглашена Юго-Западная Кавказская Республика:

1. *Ahnka Hukumet-i Muvakkatasi* (Временное правительство Ахалциха);

2. *A z as Turk Hukumet-i Muvakkatasi* (Временное Аракское тюркское правительство). В работах А.Н. Гаджиева встречаются также названия Араз=Тюркская Демократическая Республика и Араксинская Республика¹⁷;

3. *Kars Milli Islam Şurasi* (Карский Национальный исламский совет).

Необходимо отметить значительную активность османского военного руководства по организации мусульманского населения Юго-Западного Кавказа в период вывода войск. Создание правительств в Ахалцихе и Сурмале происходило на фоне отсутствия адекватной политики союзников в регионе. Это, на наш взгляд, было вызвано как незначительностью британского контингента, подтверждением чему мог служить ход оккупации Батума, так и второстепенностью этих уездов для британской администрации в первые месяцы оккупации.

Несмотря на различие политической ситуации в Ахалцихе и Сурмале Временное правительство Ахалциха и Временное Аракское тюркское правительство были схожи по своей структуре и целям, ради которых они были созданы. Оба правительства должны были стать

¹⁷ Гаджиева И Указоч С 29

местной властью, ориентированной на младотурок, которая позволила бы османам сохранить свое влияние в регионе после вывода войск и проводить прежний внешнеполитический курс на Кавказе.

Однако ни один из этих центров в силу как политических, так и географических факторов не имел столько шансов, как Каре, для того, чтобы стать поистине консолидирующим.

Ввод британские войска в Карсскую область был проведен со значительными политическими и тактическими просчетами, которые определялись следующими факторами: незнание сложившейся в Карее политической ситуации, второстепенность проблем Карсской области для британской политики на Кавказе и, как следствие, незначительность британского воинского контингента.

Взаимоотношения британской администрации с османским командованием и Карским Советом носили директивный характер, а в ходе своей поездки в Каре генерал Форестье-Уокер и не пытался выяснить что-либо о местной, хоть и проосманской, власти. Английский военный губернатор в ходе переговоров с мусульманскими властями в Карее ни разу не поднимал вопрос о расформировании вооруженных отрядов, подчиненных Национальному Совету. Будущая принадлежность Карсской области не представляла для союзников такого же интереса, как контроль за стратегически важными путями сообщения из Батумского порта в Баку и Тебриз, в связи с чем в рассмотренный период действия английских военных в Карсской области отличались от мер, принятых ими в Батуме и Баку.

Однако определенная политическая нерешительность, проявленная англичанами в Карее, по нашему мнению, не была следствием того, что Антанты не учитывала региональную специфику или не обладала достаточными силами на Кавказе для более радикальных действий, чем переговоры с османскими ставленниками в Карее. Очевидно, что британская администрация не выработала окончательного отношения к новой карсской власти. Поэтому в тот момент её больше бы устроил компромисс всех заинтересованных сторон, претендовавших на Юго-Западный Кавказ и, в частности, на Карсскую область, чем необходимость выбора между ними.

При всем прагматизме британской политики на Кавказе, во многих вопросах полагавшейся на известный принцип «разделяй и властвуй», нам представляется, что англичане упустили появление на Юго-Западном Кавказе новой политической силы, тесно связанной с прежним младотурецким руководством. К приходу англичан османским эмиссарам удалось сохранить в Батумской и Карсской областях выгодный для своих интересов национальный и политический состав и препятствовать возвращению беженцев-иемусульман. Это, на первый

взгляд, делало объединение мусульман региона вокруг единого политического центра в Карее безальтернативной местной властью, с которой и предстояло бы работать англичанам для установления общего порядка на Кавказе.

Сдержанное отношение британской администрации к Карскому Национальному Совету придавало ему определенный политический вес среди местных мусульман и способствовало укреплению его власти.

Сравнительный анализ созданных на Юго-Западном Кавказе правительств, по нашему мнению, позволяет заключить, что после заключения Мудросского перемирия Османская империя не планировала создание государственности в регионе, а проводимая османскими эмиссарами и командованием османской армии политика была направлена исключительно на сохранение своего влияния в регионе.

В свою очередь, действия руководства правительств, созданных в Ахалцихе, Сурмале и Карее, оправдывали заложенный в названии двух из них временный характер. Следуя указаниям османской стороны, они придавали наибольшее значение созданию вооруженных отрядов, задача которых, по сути, должна была заключаться в охране османской границы, установленной Брестским миром и Батумскими мирными договорами, за исключением территорий, занятых войсками Антанты.

Руководство этих правительств практически не уделяло внимания внутренним социально-экономическим проблемам и не стремилось использовать посредничество Антанты или соседних государств для достижения компромисса по территориальным спорам с закавказскими республиками.

Другой важной особенностью политических процессов в регионе после заключения Мудросского перемирия- мы считаем практику проведения конгрессов, решения которых становились направляющими для развития политической ситуации на Юго-Западном Кавказе. Проведение конгрессов в Карее и Ардагане также указывало на центральную роль, которая отводилась Карсской области в предполагаемом региональном объединении.

Четвертая глава диссертации под названием *«Юго-Западный Кавказ: от автономии к государственности»* содержит анализ заключительного этапа борьбы за сохранение османского влияния в Батумской и Карсской областях, в ходе которого на короткий срок была провозглашена Юго-Западная Кавказская Республика.

Решения Большого карского конгресса (17-18 января 1919 года) имели важное значение не только для дальнейших региональных процессов, но и для политического будущего турецкого национального государства. Между тем, в контексте государственности на Южном

Кавказе последующий статус Правительства Юго-Западного Кавказа и принятую Конституцию можно также рассматривать как новую производную кавказского федерализма, которым выделялся Закавказский Сейм, но ориентированную уже не на Тифлис, а на Стамбул.

Это проявление кавказского федерализма следует рассматривать как комплексное понятие. В его формировании мы видим не только наследие русского управления на Кавказе и последующего функционирования местных структур Закавказского Сейма, но и осознанную позицию местных проосманских лидеров, которые использовали закавказский опыт для того, чтобы исключить переход территории Батумской и Карсской областей к закавказским республикам и сохранить свою исключительную власть в крайне противоречивой международной ситуации.

Неопределенность правового статуса правительства Юго-Западного Кавказа по итогам конгресса обеспечивало его создателям возможность для последующего дипломатического маневра. Не разрывая связей с Османской империей и не создавая прецедента сепаратизма, поскольку Батумская и Карсская области султанского указами были присоединены к империи, младотурки подготавливали почву для создания нового демократического кавказского государства с безусловным преобладанием мусульманского населения. Используя одновременно балканский и закавказский опыт, на Юго-Западном Кавказе планировалось создать такую государственность, которая одновременно являясь образцом демократических реформ для Османской империи, всегда оставалась бы в орбите османской внешней политики и в силу своего важного стратегического местоположения могла бы служить инструментом османского воздействия на закавказские республики.

Несмотря на многочисленные позитивные оценки Большого карсского конгресса в турецкой историографии, на наш взгляд, для Османской империи он стал главным образом символическим событием, положившим начало своеобразной тенденции первоначального этапа национально-освободительной борьбы, который Бюлент Танер назвал «*kongreler donemi*» (эпоха конгрессов)¹⁸.

Практика проведения конгрессов впоследствии обеспечила преемственность младотурецкой и кемалистской идеологий, сблизив после поражения Турции в Первой мировой войне некоторых младотурецких деятелей с новыми зарождающимися национальными силами.

¹⁸ Tanor B *TQrkiye'de Verel Kongre İktidarian (1918-1920)* Istanbul 1992 S 106

Подводя итог Большому карсскому конгрессу, мы считаем важным подчеркнуть, что можно только условно согласиться с точкой зрения, характерной для всей азербайджанской и турецкой историографии по данной теме и заключающейся в том, что провозглашение Правительства Юго-Западного Кавказа приравнивается к созданию республики. Формально ни создание Карсского Национального Совета в ноябре 1918 года, ни решения Большого карсского конгресса нельзя расценивать как провозглашение независимой государственности и создание республики.

Провозглашение правительства без отделения от Османской империи следует понимать как инициированную младотурками попытку создания автономии в границах османского государства. Создание этой автономии происходило при условиях, когда закавказские республики не были признаны странами Антанты. В случае успеха подобная автономия могла обеспечить османский контроль не только над присоединенными по итогам референдума Батумской и Карсской областями, но и над территориями, приобретенными в ходе Батумской конференции. Для этого и требовалось создать фасад, демократические институты власти, не обострять отношения с союзниками и препятствовать возвращению армянских беженцев для сохранения в санджаках выгодного для османов состава населения.

В контексте азербайджанского и грузинского отношения к Правительству Юго-Западного Кавказа мы можем заключить, что, несмотря на первоначальную схожесть позиций Грузии и Армении, видевших в инициативах Карсского Совета угрозу своей территориальной целостности и рассчитывавших увеличить свою территорию за счет областей, на которых была провозглашена власть Правительства Юго-Западного Кавказа, взгляды руководства трех закавказских республик на проблему будущего Юго-Западного Кавказа были неоднозначными. Грузия и Армения не были заинтересованы в появлении новой мусульманской республики, которая могла стать важным соединительным звеном между Азербайджаном и Турцией.

Необходимо отметить, что Грузия и Азербайджан в силу собственных политических и экономических интересов не были заинтересованы в усилении Армении за счет возможных территориальных приобретений. Это обстоятельство стало определяющим для дальнейшей политики закавказских республик по отношению к Правительству Юго-Западного Кавказа.

Провозглашение республики 25 марта 1919 года, на наш взгляд, нельзя трактовать однозначно. Весьма важным в этом вопросе мы считаем то, что «*Intibah-name*» (Послание пробуждения, возрождения) стало единственным известным документом, в котором

говорилось о создании республики. Это указывает на то, что для карсского руководства данное решение было своего рода билетом для участия в Парижской мирной конференции, аргументом в пользу того, чтобы союзники рассматривали Каре не как часть османского наследства, а как одну из республик, образовавшихся на Кавказе после распада Российской империи.

При этом перспектива развития Юго-Западной Кавказской Республики в контексте отношений с соседними закавказскими государствами и османской Турцией была чревата многими внешнеполитическими трудностями. Грузия и Армения крайне негативно бы отнеслись к созданию государственности на землях, на которые они претендовали.

Были также определенные мотивы для отделения от Османской империи, среди которых главным было стремление обезопасить регион от всего того, что могло угрожать проигравшей в войне Турцией. Как нам представляется, карсские власти планировали добиваться от мирной конференции либо широкой автономии в границах послевоенной Турции, либо признания независимости и обретения статуса буферного государства, которое фактически служило бы мостом между Азербайджаном и Турцией. Любой из этих вариантов в случае принятия союзниками обеспечил бы провал армянских и грузинских планов на раздел территории Батумской и Карсской областей и позволил бы иттихадистам сохранить свое влияние в регионе.

Различные попытки Карского Совета сохранить свою власть в регионе не увенчались успехом. Прежде всего, в силу своей очевидной османской ориентации карсские власти не были до конца готовы сформировать в регионе институт государства. Приняв решение о провозглашении республики, они не воспользовались британским присутствием для её признания закавказскими государствами, поскольку республика была необходима только для дипломатической игры с Антантой на мирной конференции в Париже. В самом же Карее местные мусульманские власти отказывались следовать характерному для закавказских республик политическому курсу и выполнять требования представителей Антанты.

Исходя из действий англичан, мы считаем, что отличительной особенностью британской администрации в регионе было не установление общего мира на Кавказе, а сохранение выгодного для своих интересов баланса сил, что на рассматриваемом этапе было связано с поддержкой интересов Армении. Принимая во внимание многочисленность и бедственное положение беженцев в Армении, мы должны отметить, что англичане не уделяли соответствующего

внимания проблемам грузинских беженцев и положению мусульман, переселившихся из Эриваньской губернии в Карсскую область.

Действия англичан никак не способствовали процессу мирного урегулирования в регионе. Подготовленная и санкционированная ими передача управления Карсской областью, а также Нахичеванью, Шарур-Даралагезом и Сурмалой обострила взаимоотношения между закавказскими республиками.

Создание независимой республики не было целью карсских властей. Основным мотивом проводившихся в регионе конгрессов, принятия конституции и выработки государственной символики, на наш взгляд, было укрепление консолидации мусульманского населения региона и поддержание среди него идеи единства с Османской империей.

Для османов, основных организаторов политического движения среди мусульман Юго-Западного Кавказа, было крайне важно, чтобы у представителей Антанты создалось впечатление, что само население региона выступает с инициативой политического союза с Османской империей. Это могло дать правительству Юго-Западного Кавказа не только шанс самостоятельного участия в Парижской мирной конференции, но и вероятность признания британской администрацией её его прав на управление Батумской и Карсской областями. В связи с этим, мы считаем, что при любом сценарии развития ситуации вокруг Карса независимое существование ЮЗКР было бы не долгим, поскольку на то были как внутренние, так и внешние предпосылки. Мы можем выделить два варианта будущего устройства Юго-Западного Кавказа, которые рассматривали Османская империя и закавказские государства.

Армения и Грузия были противниками государственности, так как рассчитывали вернуть себе территории, уступленные османам в ходе Батумской мирной конференции. Схожими были также позиции Азербайджана и Османской империи, заинтересованных в собственном контроле за стратегически важным регионом Юго-Западного Кавказа, обеспечивавшим совместную границу двух государств. Такой контроль мог быть осуществлен только через аннексию Юго-Западной Кавказской Республики и создания на её основе автономии в границах османского или азербайджанского государства.

Следует также подчеркнуть, что, несмотря на присутствие в составе карсского парламента русских, греков и поляков, предполагаемая автономия была бы моноэтнической: карсские власти отказывались от диалога по проблеме беженцев. Такого рода автономия не осложнила бы ситуацию в самой Османской империи - она носила бы территориальный, а не национальный характер, а преобладающим населением в ней были бы мусульмане.

В Заключении делаются основные выводы из решения задач исследования:

- российские власти не стремились ограничить экономическое развитие Батумской и Карсской областей. Быстрый рост основных центров региона, Батума и Карса, при российском владычестве был сопоставим только с ростом Баку. В отличие от османской, а затем кемалистской политики приграничное положение областей становится дополнительным стимулом их развития, отличавшим Батумскую и Карсскую области от всего Кавказа. В этот период регион становится многоконфессиональным и полиэтническим, при этом основной целью российской администрации было создание лояльной к власти русской общины;

- географическое положение и стратегическая важность региона определили активизацию здесь иностранных, в том числе консульских, разведок и эмиссаров. Свидетельством успеха их деятельности явилось наступление османских иррегулярных частей и местных добровольцев в начале Первой мировой войны, закончившееся взятием Ардагана. Попытки же организовать массовое антироссийское выступление кавказских мусульман потерпели неудачу. События этого периода наглядно показали, что тайные мусульманские организации региона напрямую были связаны с османскими эмиссарами, опиравшимися также на немецкую помощь;

- во 2-ой половине 1917 - начале 1918 года присутствие в регионе большевизированных частей отступавшей с фронта Кавказской армии наряду с усилением мусульманских национальных комитетов не только осложнило ситуацию на Юго-Западном Кавказе, но и сделало регион практически неподвластным закавказским краевым властям;

- в конце 1917 года, когда принадлежность Батумской и Карсской областей стала предметом международного обсуждения, выяснилось, что для большевиков, несмотря на многогранность их кавказской политики, проблема принадлежности этого региона являлась второстепенной. Наиболее последовательными и готовыми на компромисс в этом вопросе оказались закавказские краевые власти, однако османские амбиции и стремительное наступление обусловили кризис кавказского федерализма и раскол среди политических сил Кавказа. Османы, убедившись, что большевики не способны действительно реагировать на продвижение их войск, не стали скрывать своих кавказских планов, в которых значилось максимальное распространение османского влияния в регионе, несмотря на возникшие противоречия с главным союзником - Германией;

- присоединение Батумской и Карсской областей к Османской империи было произведено поэтапно с формальным соблюдением

условий договоров, заключенных османами с большевиками и закавказскими властями. С помощью этого и уступки территорий, присоединенных по Батумским мирным договорам, османы рассчитывали сохранить за собой Батумскую и Карсскую области, население которых в результате очень противоречивого плебисцита формально высказалось за присоединение к Османской империи;

- с началом вывода османских войск главной целью Османской империи становится сохранить свое влияние на Кавказе. На Юго-Западном Кавказе эта задача во многом определялась тем, удастся ли османам препятствовать возвращению христианских беженцев. Для этого вместо недавно созданной османской административной системы воссоздаются мусульманские советы, а на их основе временные региональные правительства, подконтрольные османам. Различие местных политических сил, наличие влиятельной знати, конфликтовавшей с проосманскими структурами, и влияние соседних закавказских государств обусловили децентрализованный характер власти подобных правительств. Консолидации мусульман региона вокруг ориентированных на Стамбул лидеров должно было способствовать проведение конгрессов представителей местного населения. Данные конгрессы нельзя было считать представительными демократическими акциями, поскольку в них часто принимали лица, не имевшие фактической власти, а принятые мусульманскими представителями решения пытались распространить на все население региона;

следование карсского руководства османскому внешнеполитическому курсу определило отношение закавказских государств и Великобритании к инициативам карсских мусульман. Англия была готова сохранить ЮЗКР до решения мирной конференции в случае компромисса её властей с Грузией и Арменией, однако без решения проблемы беженцев и территориальных уступок это было невозможно.

- правительство Юго-Западного Кавказа не намеревалось провозглашать независимую республику, а рассчитывало получить автономию в границах Турции. Для Азербайджана аннексия Юго-Западного Кавказа сулила много экономических выгод, но была слишком радикальным и неосуществимым шагом. Провозглашение независимости можно назвать вынужденной мерой, призванной укрепить позиции руководства ЮЗКР перед союзниками, придав внешние демократические очертания османским позициям в регионе.

- падение республики подтвердило, что Антанта на тот момент была против чрезмерного усиления Турции как антитезы большевикам. Британская поддержка Армении и Добровольческой Армии

свидетельствовала, что англичане не желали видеть на Кавказе ни большевиков, ни османов. Однако вывод британских войск с Кавказа на фоне раздела территории Юго-Западного Кавказа между закавказскими республиками не только усугубил противоречия между ними, но и осложнил международное положение региона. Стремление англичан использовать закавказские силы одновременно для сдерживания турок и большевиков, осознание важности скорейшего урегулирования кавказских проблем для внешней политики большевиков и кемалистов предвещало перспективу их дальнейшего сближения и нового раздела Кавказа.

Таким образом, данное исследование показало, что к середине 1919 года все попытки Османской Турции вернуть земли, утраченные в ходе войн с Россией в XIX веке, не увенчались успехом. После попыток присоединить Батумскую и Карсскую области, Ахалцихе и Ахалкалаки, Сурмалинский, Шарур-Даралагезский и Нахичеванский уезды Эриванской губернии османы, потерпевшие поражение в Первой мировой войне, прибегли к опыту закавказских республик и создали на Юго-Западном Кавказе ряд временных правительств. Стремясь обратить на свою сторону мусульманское население региона, османские эмиссары избрали Каре в качестве формального центра, который был призван объединить местные структуры под эгидой единого правительства в Карсе.

Однако на фоне дипломатической и вооруженной борьбы с британской администрацией, Грузией и Арменией Правительство Юго-Западного Кавказа лишилось политической воли и было обречено на распад, как в форме республики, так и в форме автономии.

Опыт этого территориального образования имел существенное значение для зарождения национально-освободительной борьбы в Турции, но, несмотря на попытки Азербайджана и Османской империи, созданная в Карее структура не смогла войти в орбиту региональной внутрикавказской политики, оставшись обособленным образованием, угрожавшим территориальной целостности Армении и Грузии, проблематика которого была напрямую связана с вопросами урегулирования границ Турции на Кавказе.

По теме диссертации опубликованы следующие печатные работы:

1) Юго-Западная Кавказская Республика: Очерк политической истории. СПб.: Изд. СПбГУ, 2002. (5,81 п.л.)

2) Нахичевань в политике Великобритании и США после Первой мировой войны. // Материалы X международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов - 2003». М.: Изд. МГУ, 2003. С. 17-19.(0,1 п.л.)

3) К истории деятельности османской разведки в Иране в начале Первой мировой войны. // Материалы международной научной конференции «300 лет иранистике в Санкт-Петербурге» 28 - 30 апреля 2003 г. СПб.: Изд. «Астериои», 2003. С. 92-95.(0,15 п. л.)

Подписано в печать 16.04.04. Формат 60x84 1/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 1,63. Тираж 100 экз. Заказ № *189.*

ЦОП типографии Издательства СПбГУ.

199061, С-Петербург, Средний пр., 41.

- 9 5 4 6